

КОНЬЯЧОК ТЕТИ НЮРЫ

Был май – разгар весны. На деревьях появились почки, расцветали первые весенние цветы, ярко светило солнце, на голубом небе ни облачка. Мурманск нас встретил шумом и многолюдием. На привокзальной площади масса машин разнообразных марок, море людей. Вот и Володя со своим «жигуленком». Тут же Галя, Катя, Андрей, Павлик – все радостные, веселые, в приподнятом настроении. Садимся в Володин «мерседес» и едем в жилище Мурашкиных на улице Старостина.

Наш Мурманск всё такой же красивый, боевой, шумный, в нем много транспорта: автобусы, троллейбусы, такси, частные легковые и грузовые машины. Нравится город моей юности, самый молодой из городов-героев. Его возникновение отмечено 1916 годом, когда сюда на крайний Север, к Кольскому заливу, была проведена железная дорога, а назывался он тогда Романов-на-Мурмане.

У мурманчан Володи, Гали и Павлика трехкомнатная квартира со всеми удобствами. Нам с женой выделена самая лучшая комната – на южной стороне, с видом на город. Вечером за общим столом собралась вся родня. Это привальный чай с чаркой. Долго за столом сидеть не пришлось, хотя повод для этого громадный – ведь сегодня день Победы! Вот-вот начнется салют. Заканчиваем столосидение и все идем на ближайшую высотку.

На улице как днем, над сопками за заливом солнышко, а во впадинах сопек белеет снег. На северной окраине города, на самой высокой горе – рукотворный Алеша, памятник защитникам Заполярья. С улицы Старостина, где живут Володя, Галя и Павлик, весь город, раскинувшийся вдоль Кольского залива от Зеленого мыса до Колы, как на ладони.

Десять часов вечера, начался салют. Видна и слышна стрельба из пушек из-за залива и от Алеши. Взлетают разноцветные ракеты, рассыпаясь в воздухе на множество маленьких светящихся шариков, и гаснут не долетая до земли. На всех возвышенностях люди наблюдают красочное зрелище. Остановились автобусы, троллейбусы, легковые и грузовые машины.

Сегодня утром и днем многие мурманчане ходили к Алеше. В мою бытность (а мы с женой и семьей прожили здесь тридцать лет) в этот день поднимался весь город. Колоннами со знаменами и цветами шли от памятника Ленину по проспекту Ленина к Семёновскому озеру, к Алеше – воплощению подвига русского солдата в прошедшей кровавой бойне в снегах, болотах и скалах Заполярья.

Каждый год 9 мая десятки автобусов отправлялись на места боев с немцами и финнами к западной границе. Не однажды пришлось побывать и мне. По всей дороге на местах боев стоят памятники и обелиски погибшим героям, их мужеству и отваге.

Упорные бои происходили на Кольской земле. Враг рвался к Мурманску, упорно пытался отрезать его от Союза на суше и на море. Сухопутные войска, моряки Северного флота и летчики стояли насмерть, защищая родную землю. На севере Кольского полуострова есть полуостров Средний, по нему проходила граница с Финляндией. Защитники ее ни на шаг не отступили.

Самые тяжелые, самые кровавые и длительные бои происходили на суше, на реке Западная Лица. Немцы и финны много раз с большими потерями преодолевали эту водную преграду, но каждый раз наши войска останавливали и отбрасывали их на левый берег. В этих боях наши потери были тоже значительны. Западная Лица – это последний водный рубеж после сдачи нашими войсками Титовки, поэтому борьба за нее носила ожесточенный характер. После потери нами Лицы врагам открывался путь на Мурманск.

Участник этой битвы Степан Муругов, до воны работавший вместе со мной в тароремонтном цехе, рассказывал:

– Бои за Западную Лицу не стихали ни днем ни ночью. Немцы и финны последний свой штурм решили провести ночью, пока хоть немного темно. Но мы были начеку: обнаружила наша разведка, что они готовятся. Они стали переправляться через реку, а мы подпустили их. Некоторые даже перешли Лицу, и тут началась

мясорубка. На нашем берегу, и в реке, и около реки всех покосили. От крови река была красная и полная трупов. И так каждый раз.

– Золотой звездой Героя Советского Союза за Лицу награжден? – спрашиваю его.

– Нет. Звезду получил за штурм Лийнахамари, что севернее Печенги. Я ведь служил в морской пехоте Северного флота, и нас бросали на самые сложные участки.

– Слышал про Лийнахамари. Есть песня, хорошая песня, мне нравится, только помню не всю:

Лийнахамари, Лийнахамари,
Адрес короткий у моряка.

– Знаю, мы пели ее.

– И про Западную Лицу тоже есть песня. Называется она «Снежная песня», слова Л. Ошанина, музыка Г. Мовсисяна. Вот из нее два куплета:

И время иное, и новые лица,
А в сердце опять фронтовой непокой.
Я вижу землянку над Западной Лицей,
Над трудной рекой, над кровавой рекой,

И тех, кого нет уже с нами живыми,
И снег на горе от осколков рябой.
Мой старый товарищ, не здесь ли впервые
Мы цвет своей крови узнали с тобой?

– А где сейчас работаешь, почему не пришел к нам? – спрашиваю героя.

– Предложили работу в Рыбакколхозсоюзе, пошел. Теперь физическую работу не могу выполнять, был тяжело ранен. А ты где воевал? – спрашивает он меня.

– На Западном фронте под Москвой, потом в Центральной группе войск, 3-й Белорусский, потом 1-й Украинский. Закончил войну 13 мая в Чехословакии. Много раз с женой-фронтовичкой ездили на встречи с однополчанами, бывали на местах боев, были и на Западной Лице. Там установлен памятник и есть большое кладбище.

Моряки-североморцы надежно охраняли морские границы, занимались проводкой караванов кораблей из Америки и Англии по Атлантике, Баренцеву и Белому морям. Благодаря оружию и продовольствию, поступающему от союзников, Заполярье воевало и победило.

В первый год войны немцам и финнам удалось захватить часть Карелии, перерезать Кировскую железную дорогу, нарушить телефонную связь Заполярья с центром. В невероятно трудных условиях за короткое время была построена железнодорожная ветка от Беломорска до станции Плесецкая, которая связала Север с Союзом. Тем же путем по берегу Белого моря была проложена правительственная связь-бронза. Беспрецедентное мужество, бесстрашие, отвагу, самоотверженность защитников Севера мурманчане не забыли, чтят их подвиги.

В оставшееся время с Раей ходили в Рыбный порт – жена на свою бывшую работу в электронavigационную камеру, а я на Тарный комбинат. Тарный комбинат расположен слева от первой проходной. На первом этаже находился главный цех (бондарный) и заводоуправление, в полуподвальном – ящичный цех, жировочный, тароремонтный, кочегарка и всевозможные подсобные помещения. Постройка эта относится к 1932 году, тогда же была построена и лесосушилка. До перестройки комбинат объединял три завода: Мурманский бондарный завод, Нагорновский тароремонтный завод с цехом картонной тары и Петушинский лесозавод. Теперь, как мне объяснили, в составе комбината остались цех картонной тары в Нагорном, жестяно-баночные фабрики в порту и на дальних причалах. Деревянные ящики и бочки не вырабатываются.

Мне удалось побывать в бондарном и ящичном цехах. Бывало шумные и людные эти цеха молчат. Лишь только в бондарном цехе на шести станках делают жестяные банки для ширпотреба, да в пристройке, которую сделали в 60-х годах, разместился аппарат управления. Из управленческого аппарата осталось только двое: Мария Георгиевна Комарова, начальник отдела кадров, да Чашницкий Леонид Яковлевич, начальник отдела сбыта продукции. Посидели, поразговаривали. Оба работой не хвалились: предприятие работает не ритмично, то и дело можно ожидать остановки.

Прошлись с Раей по городу, по причалам. Везде безлюдье, запустение. Холодильники закрыты, машины не ходят, не слышно

гудков паровозов. Судов у причалов под погрузкой и выгрузкой нет. Бывало рыбу холодильники не успевали обрабатывать и отгружать, лежала в тачках на улице. Пройдя все причалы, сегодня ни одной рыбки не увидели.

Оставалось навестить знакомых и друзей. Их осталось очень мало: кто выехал из Мурманска, другие ушли в мир иной. А вот старички Абрамовы Иван Иванович и Анна Матвеевна живы. Они одногодки и живут на улице Воровского, там же где мы жили. Дядя Ваня и тетя Нюра любят посидеть за чайком, поговорить про жизнь, про детей.

– Мы, как Леонид Ильич, с 1906 года рождения, – говорили они, особенно во время правления генсека Брежнева, будто хвальною причастностью к великому кормчему.

Сначала, когда мы приехали в Мурманск, жили на улице Самойловой в одной квартире с Ланцовыми, а Абрамовы и Ланцовы земляки и частенько заходили повидаться, а то и в гости. Потом мне дали отдельную квартиру на улице Микояна в доме гостиничного типа. Там же жили Абрамовы с детьми. Тогда Иван Иванович Абрамов и Иван Михайлович Иванов, тоже их земляк, работали в жировочном цехе, а Николай Иванович Ланцов – бракером в бондарном цехе.

В жировочном цехе работали мастера высокой квалификации 5-6 разрядов и изготавливали бочки-жировки под тресковый жир и печень, семужные барабаны, штампы для выгрузки рыбы из траулеров, бочонки из мягких пород древесины, из дуба. Часто их приглашали на овощные базы для изготовления чанов для засолки капусты. Среди таких мастеров необходимо отметить Семена Кудреватых, братьев Шохиных Ивана и Василия, Николая Турасова. Тихо, без спешки и беготни, они за смену делали по пять семужных бочек, 10-12 бочонков 10-15 литровых. Зарплата у них была на 30–50% выше чем у других бондарей. Это были стахановцы.

Тетя Нюра, жена Ивана Ивановича, не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. У них было трое детей: Шура, Геннадий и Витя, который, недолго пожив, умер. А всего в младенчестве у них умерло трое детей. Александра была взрослая и вскоре вышла замуж, а Геннадий был еще подростком.

Когда я стал мастером тароремонтного цеха, тут же был жировочный цех, стали еще ближе по работе. Познакомились и наши

жены. Даже Екатерина Петровна, Раина мама, предпочитала ходить в церковь только с тетей Нюрой.

Анна Матвеевна, кроме того что была хорошая экономная хозяйка, но и добрейшая женщина. Они никогда ни в чем не отказывала, помогала нам, молодым хозяевам, чем могла, и в первую очередь советом. Очень часто, почти к каждому воскресенью, у ней на столе была выпечка. Любила она угощать ватрушками, пирожками, рыбниками. Изделия ее всегда были вкусны, добротны, имели хороший вид. Они с дядей Ваней частенько приглашали на чай. Вместе с чаем на столе появлялась бутылочка. Наливая содержимое из бутылки, она говорила:

– Давайте выпьем коньячку по стопочке!

– А что за коньячок у вас?

– Мой коньячок называется «Три свеколки».

– Мы знаем армянский, грузинский, молдавский, азербайджанский и много других, а такого не видали и не пивали.

– А вот выпейте и узнаете! – и больше никакой информации от хозяйки дома.

Выпивали, смотрели бутылку и наклейку. Бутылка коньячная, наклейка тоже коньячная, с тремя звездочками, и цвет как у коньяка. Но вкус отличался, он был особенный. Потом установили, что это подкрашенный самогон, искусно приготовленный.

Александра, дочь тети Нюры и дяди Вани, выйдя замуж уехала с мужем Дмитрием в Саратовскую область, а Геннадий был призван в армию.

В 1950 году мне дали квартиру на улице Марата и мы уехали с Микояна, оставив наших добрых друзей. На улице Марата долго жить не пришлось: семья росла, нас было шесть душ, а квартирка всего 20 м² в двух комнатах, да к тому же одно время у нас жила семья Павла Петровича Маклакова, брата Раи, их было трое. Навещал нас и младший брат моей жены Александр. Иногда оставался ночевать, и тогда уж использовалась кухня. В 1956 году я получил квартиру на улице Воровского, более просторную, со всеми удобствами. Сюда же переехали Абрамовы, только их дом стоял через дорогу. Опять мы стали соседями и дружба продолжалась, она никогда не прерывалась. Ходили друг к другу, пили чай, дружили со спиртным, не забывали «Три свеколки».

В 1975 году дочь Абрамовых Александра вернулась в Мурманск к родителям – муж ее скончался. Гена, отслужив в армии, вернулся в Мурманск и вскоре сошелся с женщиной старше себя на десять лет, с двумя девочками. На постоянное жительство обосновался у жены-сожительницы. Жизнь его не сложилась: пил, дрался, ругался с женой и девочками. Его презирали и гнали к родителям.

– Пока всех вас не убью, никуда не уйду!

– Да мы тебя выбросим, как щенка! – отвечала жена.

Водка брала его в свои объятия, Геннадий засыпал, потом были разборки и примирения. И опять жили как голубки. Тетя Нюра и дядя Ваня очень переживали за неудавшуюся жизнь единственного сына. Сначала звали его домой жить в их квартире, а потом свыклись, ведь Гена говорил: «Не лезьте в мою жизнь, сам справлюсь». Они всю жизнь проклинали тот день, когда после прихода из армии их сын ушел в гости и не вернулся домой.

Анна Матвеевна умерла в 1993 году, она была сердечница. Иван Иванович рассказывал (мы были у него в мае 1994 года), что перед тем к ним приходил пьяный Геннадий, они с ним поругались, а мать он потрепал. После этого тетя Нюра заболела, слегла в постель, долго валялась и умерла. Иван Иванович ходил к прокурору с жалобой, Геннадия вызывали. После того он не стал ходить к Абрамовым и даже не был на похоронах матери.

Хочется отметить еще одну семью по жительству на улице Микояна. Это семья Ивана Михайловича Иванова, о котором я уже упоминал. Не только он работал на заводе, но и его жена Анна Ивановна, старшая дочь Вера, младшая дочь Надя, сын Борис. Большая рабочая семья, целая династия.

Теперь, вдали от Мурманска, мы вспоминаем наших добрых друзей. Они всегда были доступны, давали советы и дружески помогали. Но мало их осталось, почти нет, все вымерли, ушли в мир иной.

Побывали у внучки Кати и ее мужа Андрея. Жили они у родителей Андрея на улице Бибикова, занимая крохотную комнатенку в двухкомнатной хрущевской квартирке. Попили чаю, поговорили. По пути от Кати остановились в Нагорном, чтобы сходить к Александре Александровне Мокрецовой, а проще к Шуре или Сане, как мы ее между нами называли. Это наша хорошая знакомая из Кузина, где жили братья Раи – Павел и Илья Петровичи. Ее отец, как и

Илья Петрович, работал капитаном на речных судах и плавал по рекам Двине, Сухоне, Югу. Приехав в Мурманск, она жила у нас, потом по моей рекомендации стала работать в бондарном цехе станочницей, затем мастером в тароремонтном цехе. У нас с ними – Саней и Иваном Кирилловичем, ее мужем – были добрые дружеские отношения.

Когда мы были у них, они проживали в однокомнатной квартире и жили на пенсию. Вскоре Иван Кириллович умер, переусердствовав спиртным. Убивалась, переживала, плакала Саня, но, как говорят, «мертвого с погоста не вернешь». Осталась у нее одна утеха – единственный женатый сын Виктор, его жена, внучка и внук. Внучата часто навещали бабушку, в свободные от учебы дни жили у нее. Виктор работал на судоремонтном заводе, невестка поваром в ресторане. Родители невестки путем обмена, урезав себе жилье, обеспечили их приличной трехкомнатной квартирой, всячески помогали. Поначалу всё было хорошо: крепкая семья, хорошая зарплата, отличное жилье, жить бы да радоваться. Дак нет – потянуло на пьянку, и чем дальше тем больше. Обоих выгнали с работы, жить стало нечем. Пошли в продажу хрусталь, посуда, мебель. Но всё было мало, занимали в долг у матери. Виктору давно надо было оперировать катаракту, да с пьянкой времени не хватало. Наступило время когда не идти нельзя, можно совсем ослепнуть. Вернулся с операции и тут повстречал друга-алкоголика. Врач предупреждал: «После операции спиртное пить нельзя», но приверженному к алкоголю всё нипочем. Жена уговаривала не пить, но напрасно. Ушла с детьми к отцу, а когда вернулась, Виктор был мертв. А было ему тогда 35 лет.

Летом 1994 года Володя, Павлик и я ездили в Унежму. Об этом мною написано в очерке «Унежма, Ольга Григорьевна».

Подходил октябрь, начало его – мой день рождения, а в этом году юбилейный: 75-летие. Не думал что так долго проживу в такое трудное время. Своим долголетием я прежде всего обязан моим родителям, жене, хорошим и добрым врачам, поднявшим меня со смертельной койки во время инфаркта, Всевышнему нашему, отпустившему мне такой большой срок жизни на земле.

Ко дню рождения приехали Галя и Володя с Павликом на своем «жигуленке». Неожиданно поздним вечером в квартире звонок. Открываю двери – на пороге Павлик с мешком.

– Павлуша, что такое тяжелое несешь?
– Картошку вам привезли!
– Зачем из такой дали везете, в Карелии картошки хватает!
– Дедуля, это не обычная картошка, мы ее сами вырастили!
– Теперь у нас есть огород, у нас выросло восемь мешков картошки, морковь, свекла, лук! – говорит подошедший Володя.

Мой день рождения – 2 октября. На празднование, кроме Володи, Гали и Павлика, пришли Дима с Ириной, Валя, Валера, Евдокия Васильевна, жена Павла Петровича, старшего брата Раи, с дочкой Тamarой и внучкой Полечкой. Сережа, наш сын, был в морях. Посидели, попели песен, вспомнили прошлое, попили чаю, а кто мог выпил спиртное. Через два дня после празднования Галя, Володя и Павлик уехали, а до этого Вова на своем «мерседесе» возил нас по городу. Смотрели достопримечательности Петрозаводска, были на новой каменной набережной, осмотрели восстановленную белоснежную ротонду, расположенную, как в былые годы, в створе Левашевского бульвара.

После отъезда Володи и Гали появились неожиданно Катя и Андрей, они приехали 20 октября, накануне дня рождения Раи. В основном при тех же гостях посидели, попили чаю. Кто мог, побаловался спиртным. Не любим мы теперь громких, шумных, многолюдных застолий – здоровье не позволяет. После шума, крика болит голова, давит и колет сердце, не приходит сон.

Катюша и Андрей жили всего одну неделю, а потом уехали. Закончилось веселье, опять на зиму остались вдвоем. Нет, не совсем вдвоем: приходили Дима и Ира, Валера, Валя; почти еженедельно звонила Галя. Связь не теряется никогда. Нас не забывают.

УНЕЖМА, ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА

Будучи в Мурманске, о поездке в Унежму почти не говорили. Было неясно, дадут ли Володе в июле отпуск. Возвратившись в Петрозаводск стал усиленно готовиться: закупал продукты, навязывал крючки, делал продольник, подбирал одежду и обувь, рюкзак, ведро – всё что нужно для поездки. И не ошибся. Десятого июля звонит Галя – двенадцатого выезжают за мной Володя и Павлик. Тринадцатого они приехали к нам, а пятнадцатого июля мы были уже в Нюхче.

Остановились у Вали Шумиловой, попили чаю и пошагали за лодкой. Насчет лодки мною заранее было написано письмо Александру Кокотову, который много раз возил нас в Унежму. У него особого желания ехать в море не оказалось. Отговаривался: много дел дома, нет бензина, надо съездить половить рыбу – в общем некогда. Но за 40 тысяч, которые он запросил, поехал. Вечером того же дня выехали по мелководной и каменистой реке Нюхче в Белое море. Долго тыкались в камнях и мелях, преодолевали пороги. Пять километров по этой реке ехали более часа, преодолевая всевозможные преграды. И хотя Александр знает Нюхчу-реку как свои пять пальцев, вдоль и поперек, но немало ему пришлось поработать, направляя лодку в нужное место, чтобы выехать в море.

Вот и Белое море. Моё Белое море, исхоженное, изброженное, исплаванное. От Кильбострова берем курс на Корепалку, а от туда уже видна Великая варака, церковь, дома. Проезжаем мимо Цельналовока, Вайхлуды, слева остается Лёхлуда, справа Камбалий остров. И вот мы у цели, пристаем к щелье у большого амбара. Традиционный привальный чай и бутылка «Столичной» заканчивают наш приезд. Саша Кокотов торопится и сразу уезжает, а мы с вещами и продуктами по отливу идем к дому в Заполье.

В доме никого нет, все окна заколочены. С трудом открыли избу, сняли запоры с коридорных дверей, наружные щиты. В доме стало светло и уютно как раньше, и всё родное, своё.

Приехали в Унежму шестнадцатого июля [1994 г.] Первый день с дороги отдыхали, а на второй день моим ребятам не сидится дома и решили сходить на Великий Мох, посмотреть есть ли морощка. Принесли рохлячи, спелой очень мало.

Решили заняться рыбалкой. Готовим помахалки, корзины, вечером накопили червей. Утром после чая Володя и Павлик ушли на рыбалку к Камбальему острову, около которого протекает река Унежма. С берега реки забрасывается помахалка (удочка) и рыбы сразу же схватывают крючки с наживкой, заглатывают их в желудок. Стремясь уйти с проглоченным крючком, они дергают леску удочки и становится ясно, что удочку надо выбросить на берег, чтобы снять рыбу.

Через три часа Володя и Павлик возвратились. У каждого было по пол корзины камбал, а по счету это 90 штук.

– Как рыбалка? – спрашиваю Павлика.

– Хорошая рыбалка, рыба брала!

– По три-четыре камбалы за один раз вытаскивали, – говорит Володя.

Чистим рыбу, разжигаем плиту, ставим самовар. Вот всё и готово.

– Какая вкусная уха! – восхищаюсь я. – Прошел год, как мы ели такую уху.

Камбалы едим отдельно. Сейчас самый разгар лета, камбала еще не набрала вес, много мелкой, но всё равно она вкусна – в реке она лучше отъедается.

Вечером идем на деревню, ведь теперь наш дом – самый крайний из жилых. До дома пенсионеров Евтюковых – Анатолия и Алевтины – жилья нет. За домом Евтюковых стоял шикарный дом Кондратьевой Августы Ивановны. Стоял, но теперь его уже нет. В 1993 году сгорел как свечка.

Идем дальше. Вот дом Ивана Петровича Евтюкова, одного из постоянных жителей Унежмы. Дом старый, садится, гниет. Стены во многих местах обиты толью и досками. После смерти матери Елизаветы Федоровны Иван всё хозяйство прикончил: забил коров и овец. Теперь он выращивает картошку, ловит рыбу, собирает яго-

ды, да летом пасет малошуйских телят. Зимой, когда нет никаких работ, ходит на станцию.

– Зачем ходишь на станцию? – спрашиваю его.

– Наловлю наваг, продам, закуплю продуктов, поразвлекаюсь, пообщаюсь, выпью и домой!

От Ивана идем к бывшему магазину. Справа остается дом Екатерины Осиповны Бездетных. Долгое время он пустой, никто не живет. У магазина стоит вездеходка, двери в дом открыты. Входим в дом. На полу тюфяки, матрасы, просто одежда для спанья. Женщины сидят на полу, некоторые дети спят.

– Давно живете в Унежме? – спрашиваем их.

– Вчера приехали пособирать морошку.

– Ну и как, набрали?

– Совсем немного, она еще не спелая.

– А где мужики?

– Ушли порыбачить.

Около дома во дворе валяются 50-литровые бочонки, это тара для морошки.

Ольга Григорьевна живет рядом с магазином. Как всегда около дома собаки, в коридоре кошки. Раздеваем обувь и в носках входим в избу. Хозяйка и Галина Ивановна, племянница, дома. Ольге Григорьевне вручаем подарок – пряник «Сувенирный» и яблоки.

– Сколько вас приехало? – спрашивает Ольга Григорьевна.

– Вот мы двое налицо, и внук Павлик.

– Что же Павлик не пришел? Мне хотелось на него посмотреть.

– Он делает помахалку, навязывает крючки.

На стуле сидит маленькая, чуть горбатенькая, вся в морщинах старушка. В этом 1994 году, 24 июля, ей исполняется восемьдесят. На голове ее платок-полушалок, куртка спортивная с начесом, брюки, на ногах тапочки. Это ее постоянная одежда, в ней и в хлев к скотине ходит, и на поле косит и сгребает траву, и дома, в простой день и на праздник. Здесь в глуши люди забывают, что существуют еще и выходные, хотя бы воскресенье. И не одна Ольга. Иван и Валентин всегда и везде в одной и той же одежде. А когда-то Оля любила одеваться и показывать себя.

До войны она уехала в Мурманск к брату Василию. Там жила и работала. Мурманск в конце тридцатых – начале сороковых

был широко известен. Здесь был мощный торговый порт, рыбный порт, судоремонтные и судостроительные заводы, деревообработка. Широко велась торговля, флаги многих стран посещали Мурманск. Более всего он был ценен как незамерзающий порт, действующий круглогодично.

Будучи в Мурманске, Ольга увидела и переняла для себя многое – в культуре, образе жизни, взаимоотношениях. Когда грянула Великая Отечественная война, из Мурманска – прифронтового города – многие были эвакуированы. Ольга вернулась в Унежму к матери Варваре Евсеевне, в тот небольшой низенький домик на каменной скале посреди деревни.

Кухня, посреди русская печка, стол да лавка для сиденья – вот и вся мебель. С коридора, сбоку, была маленькая спальня – для Ольги. Во дворе никакого скота – ни овец ни кур. Жили в основном на рыбе. Зимой с керёжей¹, летом с помахалками можно было постоянно видеть Варвару Евсеевну, спешащую на рыбалку. Среднего роста, подтянутая, уже согнувшаяся от тягот и забот, несла она свой крест. Ее муж погиб в империалистическую войну, сын – в Отечественную. Ольга родилась уродом, с горбиком.

Напротив их дома была церковь, в которой после революции сделали клуб. Вечерами в клубе собиралась молодежь. После демобилизации из армии по болезни в начале 1941 года я одно время был избачом. Девушки и парни в основном деревенские, только Ольга да я побывали в Мурманске, посмотрели и пожили городской жизнью.

В доме у Ольги всегда собиралась молодежь, особенно девушки. Играли в карты, пели песни, рассказывали кто что знал, анекдоты. Но особенно часто и подолгу играли в карты.

По пути в клуб захожу в этот маленький домик. Еще будучи в сенях, услышал громкий смех, крик, гомон. Захожу в комнату. За столом Ольга, Люба Фролова, Аня Евтюкова, Надя Епифанова, и все в покатушку смеются.

– Что так сильно кричите и смеетесь? – спрашиваю.

– Да как не кричать: Любка сорок раз осталась в дураках!

¹ Керёжа – маленькие санки в виде лодочки, в которых возили навагу.

– А остальные, ведь вас четверо, разве не были в дураках? – пытаюсь смягчить удар, нанесенный моей соседке, к которой я имел пристрастие.

– Были, да понемногу, а она-то всех больше, – отвечает Надя.

А Любушка сидит красная, растрепанная, не знает что делать: кричать, ругаться, смеяться или плакать.

– Ну ладно, заканчивайте, одевайтесь, пойдем в клуб!

Я пошел в клуб, а они, вся четверка, стали приводить себя в порядок, одеваться, прихорашиваться. Ради правды надо признаться: я тоже частенько играл с ними в карты и оставался в дураках.

Восемь часов вечера. Начинают приходиться парни и девочки. В клубе всегда были танцы под балалайку. Танцевали вальс, краковяк, нашу северную кадрили. Молодежи в 1941 году в деревне оставалось очень мало. Из девушек Ольга Куколева, Аня Евтюкова – комсорг, Надя Епифанова, Люба Фролова, Куколевы Люба и Лида, моя сестра Свиря. Иногда, в основном по воскресеньям, приходили девочки-подростки: Дина Евтюкова, Густя Варзугина и др. Ребят тоже было мало: это Евтюков Михаил, Ульяновы Егор и Михаил, Епифанов Иван, братья Евтюковы Веня и Иван.

Среди девушек выделялась Ольга. По годам она была старше всех названных, в том числе и меня, ей было в 1941 году 26 лет. Ниже среднего роста, круглолицая, всегда в платке, повязанном поверх плюшевой жакетки, в черных туфлях на среднем каблучке, казалась маленькой девочкой, пришедшей из сказки. Когда ее приглашали на танец, она величественно вставала, медленно подавала маленькую

*Ольга Куколева.
Старая фотография.*

ручку в черных перчатках и шла на танец. Нельзя сказать, что она была красива, но и не дурна. Передо мною стояла этакая деревенская Золушка. Все было бы в ней хорошо, если бы не горбик, который она закрывала, специально надевая платок, от чего казалась толстой и чересчур маленькой. И хотя я среднего роста, ее голова не доставала мне до плеча. Танцевала она легко, спокойно. Поведением или словом никогда не грубила, разговаривала медленно, не перебивая, не повышая голоса, со смешинкой на лице и в голосе. Среди молодежи, а особенно девушек, имела большой успех, хороносила.

На трех-четырех скамейках размещались все пришедшие – на двух девочки, на двух ребята. Летом было хорошо, тепло и светло в клубе, зимой холодно и темно. И хотя печки (их было две) топили ежедневно, было прохладно. Громадный зал, высокие потолки забирали тепло и свет. Горела обычно одна десятилинейная лампа, давая мало света. Когда кончались танцы, все убегали на улицу, а я оставался один в этой громадине. Тушил лампу, закрывал дверь, догонял ушедших. Ребята сразу же расходились по домам, а девочки иногда заходили к Оле. Бывало я догонял мою заполенку Любу Фролову, к которой был более чем к кому-либо неравнодушен.

Эта девочка, моя соседка – обычная деревенская девчонка, среднего роста, с милой и застенчивой мордашкой, в платке и плюшевой жакетке – была неприступна. На танец шла неохотно, отворачивалась во время танца, не давала прижиматься. Иногда вызывающе грубо говорила: «Ну тебя, уйди», и убегала или пересаживалась на другую скамейку.

После танцев я иногда ее догонял и пытался завести разговор, побыть вместе. Но всё тщетно. Разговор не получался. Даже после объяснения в любви отношение не изменилось.

Одно время хотел жениться на ней. Выгородил в средней комнате спальню, оклеил стены, покрасил панель. Родители заметили мою возню, я видел это по их лицам, хотя они ничего не говорили, а только усмехались. Вовремя одумался: ведь война, люди погибают, да и девка не ахти какая: неуважительная, грубая, неразговорчивая, всё «ну» да «ну», больше ничего не добьешься, а ведь жить надо с такой весь век. Да и обстановка явно не была в мою пользу. Были недовольные: «Почему он до сих пор не призван в ар-

мию?» Подозрительные взгляды, разговоры будто «скрываюсь от войны» наполняли деревню.

Жить в деревне было нелегко. Вся молодежь – девочки и ребята – зимой работали на лесозаготовках, а весной и летом на путине. Вскоре Антон Степанович, председатель сельсовета, сообщил что должность избача сокращена, а я могу пойти работать связистом. Так и сделал. Сначала работал по обслуживанию линии Унежма-Кушерка, а затем, весной 1942 года, пошел на ремонт линии связи Онега-Пертоминск. Летом пошел в военкомат и добровольно ушел в армию.

Когда меня уже не было в деревне, Ольгу Григорьевну отправляли на лесозаготовки, затем на оборонные работы. Она отказывалась из-за физической неполноценности. Так бы и жила с матерью Варварой Евсеевной, если бы не районные власти – видимо кто-то донес что человек нигде не хочет работать, не помогает громить врага. Как рассказывали, в Унежму приходил милиционер, увел Ольгу в Онегу. Там ее судили, дали год принудительных работ. Отбыла наказание, вернулась в родной дом. Послали на путину ловить рыбу, в одну бригаду с Вениамином Евтюковым. Потом работала бригадиром в колхозе, а перед ликвидацией колхоза – председателем.

Закончилась война. Возвращались домой мужики и молодые ребята. Начались свадьбы. Мой одноклассник Акилов Петр женился на Епифановой Наде, Епифанов Иван на Ульяновой Марии, Евтюков Анатолий на приезжей фельдшерице Людмиле Григорьевне, Куколев Костя на Евтюковой Дине. Подросли братья Вениамин и Иван Евтюковы, Николай Евтюков, девчата Августа Варзугина, Лида Куколева. Евтюков Михаил, Ульянов Егор погибли на войне; другие, не заезжая в Унежму, уехали в Мурманск. Не покинули своей деревни Вениамин и Иван. Вениамин дружил с Лидой Куколевой и уже была назначена свадьба. Но накануне из клуба его увела Ольга в свою обворожительную крохотную спальню в домике на скале. И... навсегда.

Теперь Ольга Григорьева живет одна. Не совсем одна, с нею постоянно племянницы Галина и Анна Ивановны – по очереди одна из них остается на зиму. Однажды говорю Галине:

– Поскольку Ольга Григорьевна не в силах жить одна в деревне, забрали бы ее в Архангельск!

Ольга Григорьевна с племянниками.

– Мы бы увезли ее отсюда, да не едет, а бросить одну нельзя, во время войны она и ее мать спасли нас от голода.

«А что же с Вениамином, мужем Ольги?» – спросите вы. Пять лет тому назад он умер, не достигнув 60 лет. Заболел он после того как на снегоходе «Буран» искупался весной в море, провалившись в полынью. Сразу же его увезли в больницу в Малошуйку, затем в Онегу. В больнице Вениамин пролежал недолго и умер. Какая-то быстротекущая болезнь свалила его за месяц.

Теперь несколько слов о моем романе с Любой Фроловой. Я ее не забыл. После того, как закончилась наша переписка с Шурой Смирновой из Мурманска (она сообщила что переехала в Вологду и выходит замуж, и перестала писать) я связался с Любой. Она мне тоже писала. Перед концом войны перестала отвечать. Я принял это как должное – тогда у меня стали складываться хорошие отношения с Раей Маклаковой, моей будущей женой.

Когда мы приехали с Раей после войны в Унежму, Люба ходила с полным животом, а ее воздыхатель – солдат пограничного

поста – уже отсутствовал, был переведен на другое место службы. От этого брака, не зарегистрированного, она родила дочку. Потом выходила замуж за унежомы Леонида Куколева и от него родила тоже дочку. После гибели Леонида уехала в Кушереку, там у нее было еще несколько детей, и все девочки.

У Ольги Григорьевны узнали, что Августа живет в доме Дины Ивановны. Зашли к ней. Тут же ее брат Валентин и его сын Андрей. Поговорили о жите-бытье.

Идем дальше, к «зámку» Валентина. Дом его и вправду похож на замок: с башенками, переходами, огородом из подтоварника, защищающей от холодных ветров. Как обычно обмениваемся приветствиями.

– Как жизнь молодецкая?

– Живем потихоньку, не пышно, своими трудами кормимся.

«Зámok» Валентина.

Иван Матвеевич (слева) в Унежме.

Домой идем по канаве². Как она заросла травой! Раньше здесь была сплошная грязь, потом утоптанная широкая дорожка. Лет 60 тому назад по правой стороне канавы от дома Куколева Матвея до церкви была проложена деревянная мостовая из толстых досок. Ходили по ней босиком, в тапочках – чисто, сухо. Теперь ее нет, доски сгнили, только столбики кое-где торчат, напоминания о былой роскоши Унежмы.

Вся Унежма заросла травой. Трава по пояс, трудно пройти, связывает ноги, мешает. В траве копошится несметное множество комаров и мошек. Надоедливая тварь: лезет в глаза, уши, волосы, за шиворот, в рукава, кусает через рубашку.

Погода стоит хорошая, сухая и солнечная, но ветры не рыбные – восточные или северо-восточные. Потому-то и рыба плохо ловится. После первого хорошего улова Володя и Павлик ходили на рыбалку еще два раза и приносили только на уху. Павлик, заядлый рыбак, спрашивает у меня:

– Дедуля, куда же рыба подевалась, где она?

² По бывшему почтовому тракту.

– Она тут же где и была, но погода ей не нравится. Ну просто сказать у ней нет аппетита, она лежит отдыхает и чувствует себя неважно.

– А когда выздоровеет, тогда захочет есть?

– Когда сменится ветер. Подует западник или северо-западный, она забегает, захочет есть и будет ловиться.

Прошла неделя, как мы живем в Унежме. Ребята пошли за ягодой и вернулись с полными ведрами.

– Морошки хоть лопатой гребь, весь мох красно-желтый! – радостно говорит Павлик.

– Ягод много, как в прошлые лучшие годы. И ходим недалеко, всё на те же лужайки Великого Мха, не доходя до Тухручья, – добавил Володя.

Тут место ягодное, и близко. Со мха вся деревня видна, Камбалий остров, Великая варака, и дорога хорошая.

Обед у меня готов. Суп из консервов с картошкой и вермишелью, яичница на второе. На третье Володя пьет растворимый кофе, а я и Павлик чай со сгущенным молоком.

После обеда небольшой отдых, а потом домашние работы. Пилим дрова, Володя колет, мы с Павликом носим к печке и укладываем под крыльцо.

Нюхотского хлеба нам хватило на полторы недели, а потом стали печь свой. Заводили его с вечера, а утром, как затопим русскую печь, раскладывали по формам. Потом нам захотелось пирогов с морошкой. Испекли. Получилось хорошо, задумали еще.

Ребята ушли за морошкой, а я остался печь хлеб, пироги и готовить обед. Всё испек и обед приготовил. Сидим едим, вдруг Володя говорит:

– Папа, а пироги почему-то несоленые нисколько!

– Верно, Володя, ты говоришь. Я ведь забыл посолить. Сейчас только вспомнил.

Сидим, смеемся. Подсаливаем сверху морошки.

В первые дни пребывания в Унежме сходил на кладбище на могилу отца. Рядом – могилы дяди Александра и деинки Федосьи. Оборвал траву, почистил, прибил отломанные доски, поставил новые. Посидел, поговорил, нарвал вереску и полевых цветов, положил на могилки. Зашел на Варничную вараку, прошел по полю, где

*Могила Александра Максимовича и Федосьи Назарьевны
Ульяновых на унежемском кладбище Мироныщина.*

в прошлые годы росли белые грибы. В этом году их не оказалось, и не только здесь – на Великой и Средней вараках тоже не было.

Дни шли и приближалось 24 июля – день рождения Ольги Григорьевны. Мы решили сходить поздравить с юбилеем. Вечером завели квашню, а утром напекли пирогов. Один из них, круглый – для именинницы, с морошкой, а сверху с разными выкрутасами, сделанными Павликом. Ближе к вечеру пошли.

У дома нашей хозяйки тишина, дверь закрыта. Потрогали – не открывается. Стали стучаться, никто не подходит. Пошли к Августе спросить, дома ли она.

– Недавно была у них, все были дома.

– Пойду еще постучусь, а не откроют – уйдем домой.

Опять стучались в рамы, в стекла – не открыли. Ушли домой с круглой ватрушкой.

На другой день встречаю Ольгу Григорьевну, она говорит мне:

- Не слышали, заснули крепко.
- Да мы так стучались, мертвый бы встал! – отвечаю ей.
- Дак заходите, хоть чаю попьем!
- Мы торопимся на вараку за черникой, да надо воды набрать из Крестового колодца, некогда!

Морошки набрали, всю посуду заполнили. Два полиэтиленовых мешка по два ведра в каждом, да два 15-литровых ведра, да два 10-литровых ведра, да бидончик, да ведро 5-литровое, да несколько банок литровых. Подходил к концу июль и вот-вот должен был поддехать Кокотов, увезти в Нюхчу.

Время подошло, а его всё нет и нет. А мы ждем с нетерпением. Порой кажется – мотор работает. Выбегаем на вараку – лодка подходит в сторону Нюхчи, а из той стороны нет. Одну ночь глаз не сомкнули – сидели на вараке ожидая Кокотова.

Прослышали: поедет самоходка на станцию, пошли к мужикам. Старший отвечает:

– В конце недели поедем, нас много, но вас заберем, готовьтесь!

– Мы будем готовы.

Рано утром Володя и Павлик ушли к Камбальему острову ловить рыбу. Вдруг в окно стук и крик: «Ульяновы здесь живут?» Бегу на улицу, вижу: Сашка стоит в болотных сапогах и фуфайке. Как с неба свалился.

– Милый ты мой, как я рад! Не иначе как Бог послал нам спасенье!

Обнимаю и целую его, даже на колени упал перед ним.

– Как ты нас выручил, без тебя нам не выбраться!

– Дак ведь договаривались, да еще и жена мне напомнила.

– Никогда не забуду что ты приехал, никогда! Пойдем в дом, я тебя покормлю.

– Это-то ладно, но я ведь тороплюсь. Надо выехать на этой воде, хочу половить рыбу.

– Мои ребята ушли ловить рыбу к острову. Я побегу их позову. Только быстро ходить не могу, у меня ведь стенокардия и сердце плохое.

– Лучше я пойду, покажи дорогу!

Я повел его по деревне до церкви, оттуда показал остров. Скоро они все трое вернулись. Собрали все шмотки, попили чаю, и к лодке. Пока мы ходили да собирались воды пришло много, лодка оказалась на плаву, за нею пришлось по грудь брести и подтягивать к берегу.

По морю проехали хорошо: погода была теплая, солнечная, безветренная. Остановились у Вали Шумиловой, сварили рыбу, выловленную в Унежме, попили чаю. Решили на вечернем поезде ехать. Володя договорился с нюхотским шофером, чтобы он нас отвез на станцию, а я пошел посмотреть Нюхчу и зайти к Анне Ивановне Кондаковой, нашей унежомке.

Только вышел из дома, а Анна Ивановна тут как тут.

– Как пожили в Унежме?

– В основном неплохо. Морошки было много, загрузились, а вот рыбы маловато. Рыба не ловилась. Думаю помеха тому не сопутствующие рыбалке восточные ветры.

– Как тетя Оля поживает?

– У Ольги Григорьевны были два раза, а третий она нас не пустила, и произошла то 24 июля, в ее день рождения.

– Как не пустила? Не может быть!

– Пришли, а у них двери закрыты, стучались в дверь, колотили в окно, но никто не открыл. Стучались и колотили яростно, сильно хотелось ее поздравить.

Вечером 2-го августа к дому Вали Шумиловой подкатила легковая машина, со всеми потрохами подъехали к поезду. Вещи у нас тяжелые, мне не под силу, да и для Володи тяжело. Но он всё занес, разложил по верхним полкам.

В Беломорске – выгрузка и погрузка на другой поезд. Ждали свой вагон на одном месте, где нам сказали железнодорожники, а он оказался далеко впереди. Бежали, тряслись с рюкзаками, ведрами. За один раз не могли унести. Пришлось попросить посторонних ребят, они нам помогли. И мы опять погрузились в вагон, теперь уже до Петрозаводска.

Прошло два года. Тяжелые времена наступают в моей жизни: стенокардия всё сильнее дает знать о себе. Замечаю: болезнь подтачивает здоровье, сил все меньше и меньше – мотор, то есть сердце, барахлит. Как что-нибудь сделаю – болит-ноет, приходится бросать работу и принимать под язык нитроглицерин. Не живу а доживаю. Но, прожив жизнь, когда уже всякое бывало – холод и голод, война, непосильная работа и многое другое – вижу что делать некуда.

Но до того родину еще раз хотелось бы повидать! Походить по любимым местам, пожить в отцовском доме, посидеть у морюшка, взобраться на самую высокую Великую вараку и посмотреть на море с высоты, на островки в нем, увидеть зеленое море лесов и болот...

С Великой варакы далеко видно. В голубом мареве летнего солнечного дня на западе видна нюхотская Святая гора и сама деревня Нюхча, отстоящая за 30 километров. Видны как на ладони Цельнаволок, врезающийся в море острой косою, поближе – большой сверкающий ковш Унежемской губы, оканчивающийся у варакы. На другой, восточной стороне – Сосновка, или Сосновый наволок, выступающий в море и состоящий из двух зеленых островков. Морской остров, более обжитой и светлый – рыбацкий. На нем издавна была сиговая тonya, стоял дом, специально оборудованный для рыбаков. Здесь же ловили семгу, навагу, камбалу, почти круглосуточно. Южный остров сплошь лесной. Тут собирали бруснику, чернику, белые грибы и волнухи, а на мху поблизости – морошку, осеннюю клюкву.

Еще одно заветное место – Мироныщина, так называли жители Унежмы кладбище. Тут похоронены родители, дяди, деинки, бабушки, дедушки, многочисленная родня. Расположено оно между Средней и Варничной варакими, на сухой песчаной горюшке. На южной стороне ее растет кустами вереск, по всему кладбищу – кислица, шиповник, овсюг. С северной стороны – море. Оно выносит на берег пустые ракушки, их тут много. В этой небольшой тихой бухточке жители деревни, бывало, собирали эти разноцветные дары моря и посыпали ими могилки. Так делал и я, когда ездил в дерев-

ню, повторил бы и сейчас. Наломал бы вереску, нарвал полевых цветов, очистил могилки, помянул папу, маму, родных.

Два года не был в Унежме... Как бы я туда слетал, будь у меня крылья! Походил бы по родным берегам, по варакам, ветрами морскими подышал, детство и юность желанную помянул, хотя не сладко и не радостно они проходили. Детство и юность – всё у меня с родной северной деревней связано!

И вот подошла старость. Позади всё: работа, заботы, дети, внуки. Сегодня такой серенький облачный северный день. Ветер как будто весенний – свежий, с южных сторон прилетел. Вроде весна. Небось там, у северного моего моря, берега начинают подтаивать и обсыхать, а на вараках и горушках с южной стороны снег сошел. Еще весна не наступила, а я о лете думаю. Сейчас март: трещат морозы, метут снега, кружат метели. Зима для меня самое тяжелое время.

Люблю лето в Унежме! Чудные негаснущие вечера, белые ночи, незаходящее солнце пленит и чарует. Вечером под крышами

Унежма. Последний снег.

*Два года не был в Унежме... Как бы я туда слетал,
будь у меня крылья!*

домов летают, резвятся, посвистывают ласточки, а на берегу моря кружат, гомонят чайки. Через шесть часов море подходит к берегу, затопляя губы, заливы, бухточки – полная вода, это прекрасно. Нет лучше Белого моря!

Хочется повстречаться с жителями Унежмы, узнать как они бедолаги живут на отрезанном от мира кусочке земли, без радио, телевидения, телефона, магазина, газет и журналов. Трое робинзонов: Ольга Григорьевна, Валентин и Иван, среди ветхих домов и полуразрушенной церкви, с трех сторон окруженные морем.

Как раньше, будучи здоровым, поехал бы один, ведь ездил и ходил пешком из Нюхчи до Унежмы. Теперь не могу. Что-то бойко здоровье моё ухудшается, никакой во мне укрепы не стало. Иной раз соберусь подальше, в магазин ли, на рынок – ноги запинаятся на ровной асфальтовой дороге, появляется одышка, тут уж надо останавливаться, принимать таблетку и стоять или сидеть, пока не пройдет приступ. Приходится заканчивать прогулку и поворачивать оглобли назад – домой. Ничего не поделаешь, сказываются болезни и годы. Но надо жить, пока живется. Мы, ветераны войны, легко не сдаемся!

Март 1996 г.

Комментарий от составителя

Описанная здесь поездка 1994 года была последней поездкой Ивана Матвеевича в Унежму. Он умер в январе 1997-го, спустя 10 месяцев после окончания этого рассказа, так и не побывав больше в родной деревне.

НАШ «ЧАПАЕВ»

Подошла осень, и уже в сентябре почувствовал обострение. Болезненный комок возникал всё чаще и чаще, всё сильнее зажимало и давило. Во время приступов приходилось принимать нитроглицерин, сидеть или лежать не двигаясь, пока не пройдут боли. Вот она, «грудная жаба», так называемая в простонародье, а теперь это стенокардия или ишемическая болезнь сердца.

Пришлось сократить маршрут походов, напрочь отказаться от «большого кольца»: Октябрьский – Московская – Варкауса – Ленинградская – Октябрьский. Ходил только в магазины, расположенные поблизости, и на прогулку у дома. Третьего декабря с сильным приступом стенокардии на скорой помощи увезли в кардиологию городской больницы.

Палата № 16, лечащий врач Галина Степановна Вдовина. Первый раз попал к ней с инфарктом миокарда в июне 1983 года, она меня спасала от смерти, и вот сейчас тоже она будет лечить. Галина Степановна – пожилая женщина, добрая, милая, разговорчивая, среди врачей самая опытная. Как я заметил, к ней посылают самых тяжелых больных.

В нашей палате пять коек, пять тумбочек и один стол. На кроватях два человека. Знакомимся: Василий Иванович Турков и Владимир Владимирович Сац. В скором времени появились Василий Александрович Воронов и Вячеслав Егорович Решетников. Все они, как и я, сердечники.

Познакомились все, шутим и смеемся, начинается разговор.

– Самый старший в нашей палате – Василий Иванович, мы его называем «Чапаевым». Ему 92 года, он ровесник века, но еще боевой, – говорит Владимир Владимирович.

– Вторая знаменитость в нашей палате, – перебивает Василий молодой, – это Владимир Владимирович, – «Маяковский», хо- роший рассказчик, поэт, писатель.

– Да что вы, ребята, какой я поэт и писатель! Начитался и высказываю чужие мысли, память у меня была хорошая. А вот дед настоящая знаменитость: подростком участвовал в Октябрьской революции, был красным командиром, вез батьку Махно из Харь- кова в Москву, снимал колокола с церквей, был капитаном на судах Петрозаводского пароходства. Более 50 лет плывал по рекам и озе- рам Карелии, Вологодской и Санкт-Петербургской губерний.

Начинается обед и приходится прекращать такой интерес- ный разговор. Идем «к амбразуре», то есть месту выдачи пищи.

Жизнь в шестнадцатой палате шла своим чередом. Перед ужином всегда выходили «на прогулку», после ужина тоже. Ходим вдоль коридора – это наша «улица». Коридор от одного конца до другого – 100 метров.

– Василий Иванович, вчера Владимир сказал, что во время революции 1917 года вы были в Санкт-Петербурге. Правда ли это?

– Мой отец всю жизнь плывал на пароходах по рекам и озе- рам. Он меня и других братьев по очереди – нас было семь – брал с собой. И в том 1917 году я был с ним. Волею судьбы в дни револю- ции мы оказались в городе на Неве, чтобы получить груз для дос- тавки в глубинку. Остановились недалеко от центра. Я слышал вы- стрелы «Авроры», видел толпы бегущих людей, матросов, солдат с красными флагами и криками «Ура», слышал пулеметную и винто- вочную стрельбу. С судна отец никого не отпускал, кроме одного члена экипажа – механика, бывшего жителя Петербурга. Дядя Ни- колай пришел на следующий день. На палубе он переговорил с от- цом и сразу же ко мне: «Вася, объяви срочный сбор всей команды в кают-компании!» Моментально собралась вся команда. «Товари- щи!» – начал свою речь отец, но ему не дали дальше говорить. «То- варищи! Мы все товарищи, друзья!» – несло со всех сторон. Под- нялся невообразимый шум, крик, людей охватила радость, многие обнимались, целовались. Когда немного стихло, отец дал слово ме- ханику. «Дорогие товарищи, братья! – и опять гром аплодисментов, шум, крик. – Вчера народ Петербурга вместе с матросами и солда- тами сбросил ненавистную царскую власть. Теперь страной будет руководить народ, мы с вами, большевики. Для этого создаются Со-

веты рабочих, крестьянских, матросских и солдатских депутатов. Мы тоже должны создать корабельный Совет». Тут же был создан Совет. На следующий день утром попрощались с Петербургом. Сначала плыли по Неве, затем по Свири, и в каждом селе, поселке останавливались, проводили собрания, рассказывали о революции. Везде народ бурно воспринимал смену власти, падение царизма.

– Это хорошо, Василий Иванович, что ты помогал старшим устанавливать советскую власть. Да ведь это сейчас не почитается, а сбрасывание колоколов, теперь говорят, антинародное дело. Тогда сбросили, разломали, а сейчас восстанавливаем, строим. Оказалось религия нужна, Богово слово почитается, народ веры не забыл, ходит в храм.

– Так ведь не по своей воле ломал, заставляли! – с горечью проговорил наш старший друг.

– Правильно сказал, заставляли. Я учился в третьем классе, когда у нас закрыли церковь, а колокольню решили подпилить, подрубить и свалить. Всё сделали как задумали: зацепили веревку за крест, и нас, учащихся, заставили тянуть за веревку. Но колокольня не поддавалась. Решили еще подрубить и подпилить, добавили людей. Потянули за веревку. Заскрипело, затрещало внутри, и колокольня медленно, с треском, будто с плачем, пошла вниз. Треск и рев людской прокатился по деревне, отдался эхом на вараках. Не один день, сломанная, как мертвая, она лежала, никто к ней не подходил. Сельчане обходили стороной, чувствуя свою вину, стараясь не глядеть на порушенную святыню. Через несколько дней председатель сельсовета нанял людей на уборку.

Шли дни за днями, лечение продолжалось. Находясь в одной палате, мы до тонкости узнали друг друга. Наш дед, Василий Иванович – настоящая история страны, но не менее интересны биографии других моих однопалатников.

Владимир Владимирович Сац закончил лесной техникум в Петрозаводске, всю жизнь работал на лесных предприятиях Карелии. Последнее время перед уходом на пенсию был заместителем директора леспромхоза. В 80-е годы стали иссякать запасы древесины и решением правительства пришлось закрыть леспромхоз. Но до этого пришлось поработать с коллективом. Леспромхоз всё делал сам: заготавливал лес, вывозил деревья к основному производству, пилил на доски, брус, крепеж для шахт, шпалы для железной доро-

ги, тарную дощечку и клепку Тарному комбинату, отправлял потребителям готовую продукцию.

– Жалко, но приходилось всё приобретенное немалым трудом продавать и перепродавать. Рамы лесопильные, трактора, лесовозы и другой инвентарь – всё шло с молотка. Был у нас свой подвижной транспорт: вагоны, полувагоны, коробки, мостовые краны и автокраны, на всё находил покупателей. Вся работа по ликвидации леспромхоза была поручена мне. Впустую ничего не пропадало, всё было продано по себестоимости. Когда была закончена ликвидация всех материальных ценностей, директор сказал мне: «Вы проделали громадную работу, мне приходится писать приказ о поощрении вас, Владимир Владимирович. Вы всё реализовали с прибылью и вместо потерь мы имеем доход, что редко бывает при ликвидации предприятия. Я вас премирую месячным окладом, а еще хочу предложить за низкую цену домик в поселке, он у вас с женой будет дачей». «Нет, нет, не надо мне никакого домика!» «Да что вы, опамятуйтесь. Выйдете на пенсию и дача нужна будет!» «Нет, не надо, не надо домика!» – отказался я.

– А сейчас как бы вы поступили? – спросил я его.

– Не отказался бы, домик очень пригодился бы. Сейчас многие имеют дачи, а у кого нет, строят. Я работаю в войсковой части, строю дома для военнослужащих, а заодно и дачу для себя. Генералам и офицерам солдаты строят двухэтажные дома, а мы, вольнонаемные, где что утащим для своей маленькой избушки. Я уже поставил сруб, набрал полы и потолки, надо шифер – покрыть крышу, но не могу купить, зарплату не получал четыре месяца. Вот получу и всё недоделанное закончу. Кроме своей основной восьмичасовой работы на стройке сшибаю шабашку, работаю по второй смене, особенно летом, – говорит Владимир Владимирович.

– Видно что летом работал, и даже без майки – до сих пор загар не проходит. Да и сердце потревожил, не зря попал в кардиологию.

– Пришлось убирать камни, корчевать пни, да мало ли работы при расчистке участка.

– Вячеслав Егорович, вы тоже на стройке работаете? – спрашиваю соседа.

– Да, я мастер по строительству мостов. У нас специфическая работа. Но и я кое-что заготовил для постройки дачи: есть

бревна, немного бруса, немного досок. Летом начну стройку. А у Вас, Иван Матвеевич, есть дача?

– Нет, ребята, у меня ни дачи, ни машины нет. Я с семьей всю хорошую жизнь, то есть пока был здоров, прожил на Севере, в Мурманске. Работал на берегу, оклад был небольшой, а семья шесть человек. У нас не строили дач, овощи и фрукты на севере не растут. На лето детей отправляли к родственникам или в пионерлагеря, а когда отпуск у меня или жены был летом, отправлялись всей семьей на юг, иной раз на Украину, в Белоруссию, Крым, Кавказ или Молдавию. В Карелию приехали, уйдя на пенсию, но сил уже не было, так и не завели никакой недвижимости.

Вечером с дедом ходили по своей «улице». Василий Иванович бодро шагал под счет: один, два, три, четыре, выполнял упражнения на ходу. Я его попросил рассказать как он вез батьку Махно из Харькова в Москву³. Он тут же начал:

– В Харькове из центральной тюрьмы мы получили его и под конвоем на автомашине привезли на вокзал, где стоял специальный зарешеченный вагон. Перевозить помогала охрана тюрьмы. В вагоне был он, Махно, и нас пятеро. По очереди мы охраняли, глаз не сводили с него. И так всё время до Москвы. В Москве, как только остановился поезд, к нашему вагону подошла легковая машина. Мы его пересадили из вагона в машину и повезли на Лубянку. Там сдали в целости и сохранности.

– Василий Иванович, а как выглядел батько Махно, что в нем интересного, говорил ли он с вами?

– Ничего интересного, человек среднего роста, лицом непривлекателен, одет в форму английского офицера, но знаков отличия не было. С нами он не заводил разговора и мы не старались с ним разговаривать.

– Кажется, еще одного важного генерала вы везли из Харькова в Москву, будучи красным курсантом?

³ Здесь, видимо, неточность. Насколько мне известно, Н.И. Махно в 1921 году бежал за границу и в 1934 году умер в Париже. Может быть Василий Иванович вез не самого батьку Махно, а кого-то из его приспешников.

– Да, вез. И тоже у меня было пять курсантов. Тоже глаз не сводили, стерегли. Этот всячески пытался сбежать. В туалет пытался ходить один, одеваться и раздеваться пытался ходить в другое место, подговаривал на взятку, обещал много денег и взять с собой за границу. Когда в Москве поезд остановился, он побежал к выходу, миновал первый пост, но я стоял у двери и задержал его. Он хотел меня ударить, но тут подбежали ребята и скрутили воинствующего генерала. А он в злобе произнес: «Молодой, а хитрый, но погоди!» Но было уже поздно. Он увидел у выхода из вагона машину и московских чекистов, побледнел и обмяк. Так же как Махно, конвоируемого сдали на Лубянку.

21-го ноября был обычный день. Четверо – я, Владимир, Василий и Виктор – встали вовремя, умылись, а Василий Иванович не встает. Стали поднимать его с кровати, а он упирается, не хочет вставать, бормочет что-то непонятное. Позвали врачей из восстановительной палаты, они определили нервное заболевание и забрали к себе. Силой положили на коляску – отбивался он яростно, руками, ногами, ругался. Вечером поползли слухи: больной в коме, жить ему осталось недолго.

На следующий день навестить Василия Ивановича пошел Виктор Егорович. Мы все с нетерпением ждали его возвращения, и вот он появился. На лице – сдержанная хитренькая улыбочка. Поняли: жив дед, всё хорошо.

23 ноября срок моего лечения кончился. Пришла жена и мы с ней уехали домой. Дом наш – на улице Кондопожской, во втором ряду от проспекта Октябрьского. Уличные шумы до нас не доходят. Окна квартиры, все три, смотрят на юго-запад. Зимой северные ветры дуют нам в спину, а летом все солнце – наше, начиная с 11 часов и почти до заката. Под нашими окнами зеленая зона: тополя, березы, ивы, черемуха, клены, есть каштан, много сирени.

Весной, когда растает снег, прогреет солнце, потекут ручьи – начинается буйство природы. Сначала цветет черемуха, издавая невероятно приятный терпкий запах, покрываясь белыми кистями. Ее краса недолговечна – через две недели белый цвет падает на землю. Потом цветут сирень и рябина. Когда цветут сирени – не надьшишься, до чего приятна эта милая краса природы. Белым пухом покрываются улицы и тротуары во время цветения тополей. Ветер срывает его с деревьев, носит в воздухе, собирает в белые

кучи. Каштан – редкость в Петрозаводске. Вот он стоит в окружении двух берез. И хотя ему на севере не климат, но он цветет каждый год. В конце весны на его ветках появляются белые султанчики, а осенью плоды – каштаны.

Наша квартира и смежные с ней слева и справа как бы отгорожены забором из деревьев. Когда-то, лет десять назад, живший на первом этаже Петр Иванович высадил такую загороду от проникновения детей из соседнего дома, которые постоянно беспокоили. Деревья укоренились, стали большими, даже слишком – закрывают свет и солнце.

С обеих сторон дома – кусты малины, крыжовника, черной смородины, но за ними никто не ухаживает и они не плодоносят. Есть цветы. Двадцать лет тому назад, когда мы здесь поселились, под каждым окном были цветники, на балконах редко какая хозяйка не выращивала их. Сейчас вырубают деревья, вырывают кусты, редко кто разводит цветы, и всё потому что начались грабежи, воровство. В нашем доме обворовали две квартиры. Анна Николаевна, наша соседка, гордилась обилием зелени и особенно рябинкой, растущей у самого окна. Она говорила: «Посмотрите, какая красавица! Каждый год цветет и плодоносит». Вскоре наступили печальные дни. Вернувшись с дачи, хозяева не досчитались многих ценных вещей, денег, видеотехники. Воры сломали окно, которое закрывала рябина, и через него вынесли наворованное. Как ни печально, но пришлось расстаться с любимым деревцем. Так делают многие: спиливают деревья, убирают кусты, а на окна ставят решетки.

Живут в нашем подъезде добрые и порядочные люди, много пенсионеров. Хорошие люди, мы их уважаем, желаем здоровья и счастья. Благодаря таким отношениям нам легко жить, радостно встречаться.

НЕ ЗАБЫВАЙ ТЕ ГРОЗНЫЕ ГОДА!

Наступил 1995 год, юбилейный – год 50-летия победы нашего народа над фашизмом. Как мы, фронтовики, его ждали! Ждали и тянулись к этому светлому дню. Не все дожили, мало нас осталось, но и те кто жив стары и немощны. Кто лежит без движения, а другие еле волочат свое брненное тело.

Подготовка к празднованию началась еще в 1994 году. В декабре Государственной Думой был принят федеральный закон «О ветеранах», а 12 января 1995 года подписан президентом Российской Федерации. Закон установил организационные, экономические и правовые основы социальной защиты ветеранов в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе. Вторым важным запланированным событием было закончить к празднику долгострой на Поклонной горе в Москве – памятник 50-летию Победы. За осуществление строительства к намеченному сроку взялся мэр Москвы Лужков. Еще одним крупным мероприятием будет отмечено 50-летие Победы: парадом ветеранов Великой Отечественной войны 9 мая 1995 года.

Поздравления с праздником 50-летия начали поступать в начале года. Обычно за очередной корреспонденцией ходим утром. Немного ее нынче, даже очень мало по сравнению с доперестройкой. Выписываем «Северный курьер», журнал «Здоровье», иногда приносят бесплатную газету «Медведь». А тут, кроме всего этого, большой белый конверт.

– Рая, посмотри что нам прислали! Бери очки, будем читать.

– Это из Москвы, из Совета ветеранов 31 армии. А вот что они пишут:

Совет ветеранов 31 армии горячо и сердечно поздравляет вас с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. Каждый из вас, участников Великой Отечественной войны, в том числе и вы, дорогие Иван Матвеевич и Раиса Петровна, внесли свой вклад в общую Победу. Отмечая ее знаменательную историческую дату, Совет ветеранов 31 армии желает вам, близким, родным, друзьям-однополчанам доброго здоровья, личного и семейного благополучия. С праздником вас, дорогие однополчане!

*Председатель Совета ветеранов 31 армии,
полковник в отставке* *Иванов Н.Н.*

*Секретарь Совета ветеранов 31 армии,
ст. лейтенант в отставке* *Андронникова А.*
3 марта 1995 года.

А вскоре получаем второй такой же пакет от Совета ветеранов 173 СОКД. Читаем следующее:

Дорогие однополчане Раиса Петровна и Иван Матвеевич Ульяновы! 7-9 мая 1995 года Совет ветеранов 173 СОКД совместно с Советом ветеранов 31 армии проводит в Москве встречу фронтовиков-однополчан, посвященную 50-летию Победы. Приглашаем вас принять в ней участие. Примите наши поздравления по случаю дня Победы и пожелания доброго здоровья!

*Председатель Совета ветеранов
173 СОКД, генерал-майор* *Малюгин Н.А.*

Секретарь Совета *Мордовцев В.А.*
5 марта 1995 года.

Кроме приглашения и распорядка встречи, в конверте четыре листа плотной бумаги, а на них песни о 31 армии.

Артиллерия бьет

*Артиллерия бьет... Как успел постареть я
В эти годы войны – не понять никогда.*

Мне казалось, идут не года, а столетья,
А прошли не столетья, а только года.

Артиллерия бьет... Что узнают потомки?
Им покажут в музеях кусочки войны –
Без патронов стволы и без хлеба котомки,
Только кровь наших ран не увидят они...

Памяти живых

Труба трубит отбой,
Тишина наступает над миром,
Ведь кончился кровавый бой,
Кто жив остался, тот счастливый...

Путь боевой 31-й

В небе звезды горят и ликует народ,
Радость побед непомерна.
Вновь и вновь предо мной с новой силой встает
Путь боевой 31-й.

Бой за Калинин, «Минский котел»,
Гродно, Смоленск, Болеслав –
Этот путь боевой я солдатом прошел,
Родины честь отстояв.

А сегодня, друзья, мне уже пятьдесят,
Может и больше, но верно
Что никто не забудет из наших ребят
Путь боевой 31-й.

И еще одна песня:

Давным-давно была война

Давным-давно была война,
Давным-давно прошла она,
Для тех, кто жив, она была когда-то.
Но помним мы, как в пламя шли,
И как страну для нас спасли
Солдаты, солдаты, солдаты.

Давным-давно была война,
И там, где всё сожгла она
Хлеба желтеют и синеют реки.
И те, кто эту землю спас
Остались жить в сердцах у нас
Навеки, навеки, навеки.

Получили письмо из Орши от Дегтеренко Надежды Никифоровны и приглашение на встречу с однополчанами. Прислала «План проведения праздника великой Победы». В Орше, освобожденной нашей дивизией в 1944 году, мы бывали много раз. Всегда нас встречали учащиеся ПТУ-101 и льнокомбината – шефы нашей дивизии. В Орше на памятнике в честь освобождения города выбиты все воинские подразделения, принимавшие участие в освобождении, и первой значится наша 173 стрелковая дивизия.

Сидим и решаем как быть. Ехать в Москву или в Оршу? Очень хочется побывать и в Москве и в Орше, повидаться с однополчанами. Но оба мы после тяжелых болезней, а дорога на поезде ох как тяжела. В Москве толкотня, шум, которых я не переношу, сразу же начинаются боли в груди, жмет, давит. А там надо много ходить и не отставать от своих. Кто-то не едет потому что нет денег, пенсия мала. Для нас это не причина – у нас пенсии хорошие. Решили не ездить только из-за слабого здоровья – не хотелось усугублять его, да и годы не те что раньше, когда мы ни одной встречи не пропускали.

Были письма от однополчан, и мы им писали. Эту задачу помогло осуществить правительство: каждому ветерану было выдано по 10 бесплатных конвертов с изображением солдата со словами «Дошли до Берлина».

Вот письмо в стихах от Богданова Виктора Николаевича из Шепетовки:

Мы с вами всю войну прошли
От стен Москвы до младой Болеславы.
Вот там и был последний бой,
И мы дожили до Победы!

Кроме этих простых, от сердца солдатского строк, он на двух листах описал весь путь нашей 173 СОКД.

Суровый был тяжелый путь,
Длиною он в четыре года.
Снарядов вой, свинцовый шквал,
Вперед, за Родину, за Сталина, ура!!!
Из боя в бой, за датой дата,
Огонь без выбора косил
От генерала до солдата.

Под Инстербургом на рассвете
В бою погиб полковник Ким,
От ран скончался подполковник Енин,
В засаде наших много полегло...

Не так уж много нас живых осталось,
Боевых друзей, однополчан-фронтовиков.
Мы будем рады каждой нашей встрече
На склоне старческих неутомимых лет.

*С поклоном и приветом ветеран 1313 стрелкового полка
173 СОКД Богданов Виктор Николаевич.*

Получили письмо из Челябинска от однополчанки Колосовой Веры. Поздравляет с 50-летием Победы и желает хорошего здоровья. Сама тоже болеет как и мы, и недовольна порядками перестройки. В магазинах товаров много, пишет она, а всё не наше – заморское, дорогое, не подступишься. Москвичи Иванов Николай Николаевич и Александра Ивановна поздравляют с днем Победы и приглашают на встречу. В Великом Устюге живет наша однополчанка Новосельцева Павла Ивановна, инвалид второй группы. О ней я писал во второй книге. Паша – одна из четверых связистов нашего батальона, оставшаяся в живых после прямого попадания вражеского снаряда в блиндаж. Здоровье плохое, постоянно лечится. Шлет поздравления с Победой. Вот и все письма-поздравления. А пять лет тому назад получали по 60-70 и писали, соответственно, столько же. Сейчас мы написали 20 писем, а получили 5. В прежние годы на встречи приезжало до 50-60 человек от дивизии, а теперь не набирается столько же от всей армии. Все мы, участники войны, стали старые, больные, теряем память и силы.

*Урок мужества. Раиса Петровна Ульянова рассказывает о войне.
1995 г.*

Все средства массовой информации и пропаганды – радио, телевидение, кино, театры, художественная самодеятельность – работали на предстоящий праздник. Петрозаводские театры – Музыкальной комедии, Русский драматический, Национальный и Творческая мастерская – подготовили соответствующий репертуар. Для участников войны и пенсионеров давали бесплатные спектакли, выступали коллективы художественной самодеятельности на праздниках и в школах.

Большая нагрузка в эти дни выпала на хор ветеранов Великой Отечественной войны. Почти каждый день Рая ходила на выступления. Концерты и уроки мужества они давали в школах, техникумах, педучилищах и пединститутах, в воинских частях, в доме престарелых. Но вернемся к истокам: как и откуда появился хор ветеранов.

В начале 1975 года созданием хора занялись Евсеев Иван Александрович – член Совета ветеранов Петрозаводска, и Гольденберг Леонид Львович – преподаватель Педагогического института.

Вскоре в «Ленинской Правде» они опубликовали объявление о наборе в хор ветеранов, который организуется при Доме офицеров. Пригласили на переговоры армейского дирижера Льва Ароновича Клаза, который согласился вести хор.

– Хор должен выступить на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы, – заявили руководители Дома офицеров и Совета ветеранов.

– Но я пока еще один. Вот придут люди, тогда и поговорим, – отвечал будущий дирижер.

Опасения были напрасны – люди пришли, и немало, сразу 35 человек, чего не ожидали.

12 марта 1975 года – первый сбор, первая репетиция. Это день создания хора. С этого дня началась кропотливая работа по созданию крепкого работоспособного коллектива, хорошего репертуара. Первым дирижером и руководителем хора был избран Клаз Лев Аронович. До войны он закончил в Воронеже дирижерский факультет и с тех пор музыка – его жизнь. В годы войны находился в действующей армии, руководил армейским оркестром. После войны остался верен духовой музыке, до выхода на пенсию работал дирижером. Председателем хора была Голованова Клавдия Егоровна, старостой – Касьянова Ирина Ивановна. Дом офицеров выделил постоянного баяниста.

Первое выступление хора ветеранов Отечественной войны состоялось накануне 30-летия Победы в Драматическом театре. Тогда он исполнил две песни: «Не стареют душой ветераны» и «День победы». Конферансье были Клавдия Егоровна Голованова и Воробьев Сергей Петрович.

Выступления показали, что хору жить. Его песни пользовались успехом, хор завоевал к себе уважение. В этот знаменитый хор Раиса Петровна начала ходить в 1981 году. Сначала как бы шутя – слушала, примерялась, а потом понравилось. Люди – своя семья, все ветераны войны. Стала постоянно ходить на репетиции и выступления. В день Советской армии они выступали в Доме офицеров.

– Пойдем, послушаешь и посмотришь наш хор, ведь ты ни разу его не слышал, – докучала мне жена.

– Песни военных лет слушать люблю по радио и телевидению. А какие у вас особые песни?

– В репертуаре хора много песен, не перечить на одной странице: «Журавли», «Вальс фронтовых подруг», «Соловьи», «День Победы», «Поклонимся», «Снежная песня» и много других.

В Доме офицеров яблоку упасть негде. Пришли на праздник военные, гражданские, дети, женщины, старики, ветераны войны и труда. Впереди меня сидят четыре генерала. Открывается занавес, на сцене – хор ветеранов. Первый ряд – женщины в темно-красных платьях с белыми воротничками, второй ряд – мужчины в черных костюмах и белых рубашках. У всех на груди ордена и медали, но больше медалей. Они сверкают и очень эффектно выделяются на фоне темных платьев и черных костюмов.

Из первого ряда к рампе выходит высокая стройная хористка, объявляет руководителей хора и репертуар. Это Клавдия Егоровна Голованова. Появляется баянист. Следующим на сцену выходит дирижер, руководитель хора, Клаз Лев Аронович. Зал грохочет, аплодисменты долго не смолкают. Как обычно, поворачивается к зрителям, благодарит, и на костюме его вижу ордена «Отечественной войны» и «Красной Звезды», а также множество медалей и знаков. Маэстро в черном костюме, среднего роста, с белой густой серебряной шапкой волос на голове, начинает священнодействовать. Песни военных лет исполняются под громкие аплодисменты, а когда начали петь «День победы», зал, как наэлектризованный, встал, подпевал и хлопал в ладоши в такт песне:

Этот день Победы
Порохом пропах,
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.

День Победы!
 День Победы!
 День Победы!

Скажу откровенно и без прикрас – хор мне понравился. После знакомства с ним я всегда ходил на концерты. А хор не сидел на месте, слава его песен ушла далеко. Они выступали в школах, тех-

Выступление Петрозаводского хора ветеранов.

никумах, институтах, ПТУ, на предприятиях, в воинских частях, в доме престарелых, выезжали в город металлургов Костомукшу, Кандалакшу, Мурманск, Крошнозеро, Сегежу, Москву, Ленинград. Везде принимали тепло и с радостью, приглашали еще приезжать. Да и как иначе? Эти люди, прошедшие суровую кровавую бойню, с ранами и контузиями, находили силы не только для семьи, но еще и для людей, для молодежи, детей. Все они, убеленные сединой, производили огромное впечатление.

Один из хористов, Михаил Никулин, инвалид войны, постоянно ходил с клюшкой, и в хоре, подпираясь ею, сольно пел песню «Эх, дороги»:

Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги, да степной бурьян.
Выстрел грянет, ворон кружит...
Твой дружок в бурьяне неживой лежит.

Этот солист, слабенький, худенький, как мог выдерживать такую нагрузку, стоя на одной ноге? А он, да и все остальные, забывали раны, боли, голод, холод, войну – и пели. От их задушевных песен пожилые, прошедшие войну на фронте и в тылу, плакали, а дети подходили и расспрашивали о войне, рассматривали награды, брали их своими маленькими ручонками, и ясными добрыми глазенками смотрели на загадочных ветеранок и прижимались к знаменитым бабушкам.

Много раз приходилось слушать хор ветеранов, и всегда получал большое удовольствие от их песен. После выступлений жена приходила в приподнятом настроении, радостная, веселая, рассказывала какие пели песни. После одного из концертов говорит:

– Сегодня хору исполнилось 20 лет. На юбилей хора генерал выделил миллион рублей на награждение. Мне, согласно стажу, досталось 37 тысяч рублей, да еще и электронные часы «Монтана».

– Молодец ты у меня! Поздравляю и целую!

Знакомство с хором продолжалось. Благодаря Рае я узнал многих участников этого замечательного коллектива. На концертах при встрече познакомила в первую очередь с Головановой Клавдией Егоровной и Касьяновой Ириной Ивановной. А недавно, когда стал писать мемуары, поговорил об их жизни. Они, эти две женщины, оказывается, всю жизнь вместе, с 1937 года. Сначала вместе учились в педучилище, потом, когда началась война, были на оборонных работах, затем в госпитале в Беломорске. В 1942 году в Карелии началась организация партизанских отрядов. Голованова вступила в отряд «Мстители», а Касьянова – в партизанский отряд «Красное Знамя». Клавдия Егоровна свой боевой путь начинала разведчицей, а потом до конца войны – помощником комиссара партизанского отряда по комсомолу. На такой же службе была и Ирина Ивановна. После войны неразлучные подруги работали в советских партийных органах. Услышав объявление о создании хора, пришли не раздумывая. Всю жизнь, 58 лет, рука об руку.

Есть в хоре знаменитости. Это Клаз Лев Аронович и Марецкий Дмитрий Федорович. Им правительством присвоены звания «Заслуженный работник культуры Карелии». Дмитрий Марецкий, Евгений Уваров, Валентин Кочанов, Евдокия Егоровна Введенская – это соль хора, солисты. Рядом с ними и даже повыше их хочется поставить Тамару Александровну Хумпи с ее сильным красивым

сопрано. Она может играть на баяне, аккордеоне, пианино. Тамара Александровна посвятила всю свою жизнь музыке и песне. Рядом с ней – Уваров Евгений Семенович, тенор. Кроме хора ветеранов, поет в городской капелле. Поистине это человек влюбленный в песню. И это в 82 года! Он пел на всех вечерах, пел в Драмтеатре в перерыве под аккомпанемент духового оркестра. Когда в 1995 году в июне месяце мы с Раей были в санатории «Марциальные воды», Тамара и Евгений тоже отдыхали там, затеяли концерт. Очень хороший был концерт – Евгений пел, Тамара аккомпанировала. Отдыхающие горячо благодарили, долго не отпускали со сцены.

Еще одна участница хора – Полина Васильевна Аверкина. Как она сама говорит, «родилась с песней». Когда бы я ее не видел, всегда поет. На вечере участников хора ее выступление не запланировано, но она пела, у памятника Ленину пела, на юбилее Раи пела. Рвется она к песне. Ходит в хор ветеранов труда, но и этого ей мало. Ее отличное сопрано люди с удовольствием слушают. Много хороших людей в хоре, всех не перечислить.

За последние годы хор понес потери. Заболел Лев Аронович, пришлось лечь в госпиталь. Его заменил сын, Юрий Львович, тоже замечательный дирижер. Он руководит городским камерным хором. Младший Клаз в музыкальных кругах Петрозаводска пользуется большим авторитетом. В 1994 году он с хором ездил в Москву и там на соревнованиях камерных хоров занял первое место.

Болезнь Льва Ароновича прогрессировала и вскоре ему пришлось расстаться с хором ветеранов. Но не забывает коллектив своего руководителя-учителя, ведь при нем хор обрел уверенность, заслужил признание и почет, ему были присвоены почетные звания «Народный самодеятельный коллектив», «Лауреат премии Ленинского комсомола Карелии», «Лауреат всесоюзного конкурса самодеятельного народного искусства, посвященного 40-летию Победы», «Лауреат всесоюзного конкурса, посвященного 70-летию Октябрьской революции».

После ухода из хора Льва Ароновича и Юрия Львовича, начальник Дома офицеров назначил руководителем хора и дирижером капитана Мешкова Александра Ивановича.

Но вернемся немного назад, к золотым дням хора. К 40-летию Победы в театре Музыкальной комедии была показана оперетта «Севастопольский вальс». Спектакль понравился горожанам,

в театре постоянно был аншлаг. Хорошее оформление, отличная игра артистов, злободневная тема спектакля привлекали посетителей. Руководство театра решило усилить концовку спектакля, для этого был приглашен хор ветеранов.

– Ну папа (так называла меня жена), сегодня пойдем в театр. Мы выступаем, посмотришь еще раз «Севастопольский вальс».

– Как так, вы же не артисты, а только лишь хор, что там будете делать, да еще в оперетте?

– Будем выходить на сцену, а дальше что будет – увидишь!

Пошли в театр вместе. Смотрю второй раз, а оперетта, как и впервые, была интересна. Вот уже конец спектакля, а чудо не появилось. И вдруг, в самом финале, праздничное действо: выходят артисты, а вместе с ними участники хора. Артисты в своей одежде, а хоровики в костюмах с регалиями. Солдаты выносят венок еловых веток, перевязанных красными лентами, а артисты – цветы, и передают их участникам войны. Зал, как по команде, встал. Хор запел песню «День победы». Ее подхватили артисты и зрители. Пели все, гремел оркестр. Песня закончилась, но аплодисменты продолжались еще долго. Расходились по домам довольные, радостные, хвалили артистов, хор, оперетту.

Но я отвлекся, воспоминания захлестнули меня, извините. Перейдем к теперешнему времени – времени преддверия праздника Победы. Праздничные мероприятия, согласно плану оргкомитета, начинались 21 апреля. В первый же день была проведена встреча жителей блокадного Ленинграда, а 22 апреля Музыкально-драматический театр показал труженикам тыла спектакль «Небесный тихход». Предприятия стали приглашать ветеранов на чай. Угощали и там же вручали медали, президентские подарки – часы и деньги от предприятия, по 100 тысяч рублей. Денежное пособие было оказано комитетом социальной защиты Петрозаводска – всем участникам войны по 103 тысячи рублей.

– Сегодня, папаня, мы всем хором идем в мэрию на прием, так что скоро меня не жди! – сказала жена.

– А что за прием такой, с какой целью, по каким вопросам?

– Видимо, по случаю 50-летия Победы. Наверное будут вручать подарки.

Вечером приносит полную сумку: часы настольные с голубым циферблатом, коробку конфет шоколадных, полотенце махровое

вое, поздравление с 50-летием Победы от председателя правительства, Законодательного собрания, Совета ветеранов войны и труда республики Карелия, и отдельно медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне» и «Благодарственное письмо» от главы самоуправления города Петрозаводска Сергея Леонидовича Катанандова.

– Как прошел прием и был ли он? – спрашиваю жену.

– Был и очень хороший. Много было выступающих, в том числе и Катанандов. Пили чай с пирожными, пели песни, было весело и радостно.

Мое награждение прошло совершенно незаметно. Кончился апрель, а меня никто никуда не приглашает. Звоню в Горвоенкомат, спрашиваю:

– Когда мне будете вручать медаль и подарок? Многие уже получили, а мне никто ничего не говорит.

– А вы кто, – спрашивает с другого конца провода женский голос, – офицер или солдат?

– Я был на войне старшим сержантом. Моя фамилия Ульянов.

– Сейчас посмотрю...

После некоторого молчания тот же голос в трубке: «Приходите завтра к двенадцати часам».

24 апреля при всем параде иду в Горвоенкомат, что расположен в девятиэтажном доме через Лососинку. В большой комнате с длинным столом посередине сидят человек 50 ветеранов войны – старики и старухи, всем за семьдесят. Это люди, приехавшие в Петрозаводск из других мест, перебившие адрес, не работавшие на петрозаводских предприятиях – такие же как я. На стене один бумажный лозунг: «Слава ветеранам!» Приходит капитан, а с ним помощница с медалями и часами. Капитан называет фамилию, имя и отчество, приглашает к столу и вручает награду: медаль и карманные часы. И удивительно: всем-всем карманные часы, даже женщинам, которых в зале не менее половины. Вроде нигде и никогда женщины не носили карманных часов, а тут на тебе, получай, другого нет, хотя на предприятиях и в мэрии вручали настольные часы с голубым и красным циферблатом. Мне, как и всем, капитан выдал медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» и карманные часы. На передней крышке изображен цветной орден Победы,

на задней написано: «Великая Отечественная война 1941–1945», в середине венки, опоясывающий пятиконечную звезду, а в центре серп и молот. Открываю переднюю крышку. Циферблат нанесен римскими цифрами, неясно и непонятно. Спрашиваю соседа: какой циферблат у него на часах? От открывает и я вижу ясные четкие обычные цифры. После окончания торжества подхожу к капитану.

– Прошу вас, смените часы, мне не нравится циферблат – он неясный и римскими цифрами.

– Посмотрим, если найдем заменим.

Наконец он находит нужные часы. Выходим из зала и спрашиваю у одной из ветеранок:

– Скажите, вы карманные часы будете постоянно носить? Это вам удобно?

– Нет, где же их носить? Мужчины носят в специальном брючном кармане или в жилетке, а у нас, женщин, в платьях карманов нет. Придется подарить внуку.

По плану оргкомитета на 5 мая было назначено торжественное заседание с праздничным концертом мастеров искусств республики Карелия. Вход, как написано, по приглашительным билетам. Хочется побывать, но как пройти, где достать билет? Связей нет, надеяться на приглашение бесполезно. Опять обращаюсь к хору ветеранов. Там вездесущая боевая Клавдия Егоровна всё может, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». По моей просьбе жена обратилась к ней. Заход оказался удачным: на следующий день нужный билет был в моих руках.

И вот идем с женой в Музыкально-драматический театр. Она заходит через актерский вход, я через центральный. Сначала было немного коротких неутомительных выступлений, затем после небольшого перерыва начался концерт. Выступали артисты театров, самодеятельность дворцов культуры и предприятий и, как всегда, хор ветеранов. Я не зря пишу «как всегда», потому что они участвовали во всех значительных событиях: праздниках города, первомайских и октябрьских торжествах, и многих других.

Излишне писать что театр был полон, ни одного свободного места. Было много песен, танцев, плясок, аплодисментов. Когда вышел хор ветеранов, зал замолчал как зачарованный, а потом взорвался аплодисментами. Над залом торжественно, медленно поплыла мелодия любимой песни нашего народа «Поклонимся»:

Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мертвым, и живым!

Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья.
Всем миром, всем народом, всей землей,
Поклонимся за тот великий бой.

6 мая на Ля Рошель было открытие художественной выставки искусства детей, а 7 мая состоялась акция юных петрозаводчан «Вам 41-й не забыть, нам 45-й славить». В тот же день состоялось возложение гирлянды Славы к Могиле Неизвестного солдата, театрализованный концерт «Костер памяти», во дворце культуры «Машиностроитель» праздничная программа для ветеранов войны «Сердца людские памятью полны».

8 мая состоялся официальный прием ветеранов Великой Отечественной войны администрацией города, а в 12 часов на улице Московской открытие монумента Победы. Этот предпраздничный день выдался нехорошим: с утра шел мокрый снег, небо заволочло тучами, дул прохладный северный ветер. Десять, одиннадцать часов – погода не улучшается.

– Хорошей погоды не дожидаться, пойдем ли на открытие мемориала Победы? – спрашивает Рая.

– Обязательно пойдем, если даже будет воды по горло! – отвечаю жене.

Одеваемся теплее, на ноги – сапоги, чтобы не застудиться, и «плывем» на улицу Московскую. С верхней площадки от магазина видно, как в тумане, что у памятника собралась группа людей. Подходим и мы. И хотя территория благоустроена, заасфальтирована, засыпана красным гравием, воды и снега полно, щиколотку закрывает. Перед нами постамент, обложенный серым мрамором, а на нем четыре бетонных столба, от них отходят четыре никелированных прута на середину, поддерживая такой же никелированный шар. На постаменте между столбами какая-то фигура, закрытая покрывалом. Люди подходят со всех сторон, в основном пожилые – видимо ветераны войны. Подходят военные, рядом их автобус. Сле-

ва от памятника выстраивается хор ветеранов. На площадку поднимается мэр города С.Л. Катанандов и приглашает пятерых ветеранов войны открыть мемориал. Они делают несколько рывков за веревочку и покрывало падает. Взору нашему предстает птица с расправленными крыльями, с венцом на голове. Эта птица мира символизирует счастье. Грянул гимн России, после него хор ветеранов спел «День победы».

Весь день и вечер 8 мая шел мокрый снег и дул холодный ветер. По плану вечером было предусмотрено гулянье на площади Кирова с участием художественных коллективов города, но пришлось сидеть дома и смотреть по телевизору всё что происходило в Москве и Петрозаводске.

9 мая – праздник Победы. Ждали его как манну с неба, и он пришел. С утра снега и дождя не было, но холодно, ветер северный. На улицах и площадях много вчерашней мокроты.

– Что, маманя, будем делать, куда пойдём? В программе сегодняшнего дня много мероприятий.

– Зачитай, где и в какое время они будут.

– С утра панихида по погибшим в годы Великой Отечественной войны, затем сбор участников парада-шествия ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла в кинотеатре «Победа», потом торжественно-траурная церемония возложения венков к Могиле Неизвестного солдата и военный парад, в 12.00 праздничное гулянье и еще семь разных мероприятий в течение дня, а в конце дня, в 22 часа, праздничный салют на площади Кирова.

– А как с сердцем, давит ли, жмет ли, как голова, как себя чувствуешь? – спрашивает Рая.

– Да что-то не очень баско: болит голова, шум в ушах, жмет и давит сердце. Таблетки принял, стало лучше. Но кажется лучше дома посидеть, ведь недавно из больницы.

Так и решили: сидеть дома, смотреть «ящик» – то Москву, то Петрозаводск.

К обеду пришли Дима и Ира, Валя, Валера, Евдокия Васильевна, Тамара и Полина, поздравляли с праздником Победы. Сидели за столом, вспоминали военные годы на фронте и в тылу. Кто мог, пил водку и вино. Между обедом и чаем пели песни военных лет. Из Мурманска звонили Галя, Володя, Павлик, поздравляли с

праздником. Вечером звонили Катя и Андрей, тоже поздравляли. После обильной еды, питья и песен стала побаливать голова и зажимать сердце. Запланированный поход в центр на салют пришлось отменить. Так и прошли все праздничные дни, не повидали мы с женой никаких мероприятий, за исключением открытия памятника на Московской.

На парад Победы-95 из Петрозаводска ездили восемь участников Великой Отечественной войны. Кое-кого из них мы знаем. Рассказывали, что их поставили не с Карельским фронтом, в котором они воевали, а в колонну Ленинградского фронта. Приехав в Петрозаводск, наши ветераны, участники парада-95, вскоре понесли потерю – скончался один из участников парада.

Выше я писал, что ветераны 31 армии 173 стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии намеревались встретиться в дни празднования 50-летия Победы в Москве. По нашей просьбе о встрече в Москве написал Маковеев Александр Александрович – бывший связист артполка дивизии.

7 мая в школе встречались ветераны 31 армии. Докладчиком был председатель Совета ветеранов Малюгин Н.А., он говорил о пройденном боевом пути. Многие выступали с воспоминаниями. После встречи был торжественный обед. Нашей дивизии хватило одного стола – было всего 8 человек. Восьмого мая в Москву не ездил, был в Загорске у дочери. Поход на Поклонную гору нам отменили, так как там что-то было не готово. 9 мая встречались в парке им. Горького. Встретились 8 человек, погуляли и поехали к Марии Павловне Голубевой, где был устроен праздничный обед. Там были Блиновы, Прозорова-вдова, Прозорова-радистка с мужем, всего 15 человек, но я не всех знаю.

Закончилось празднование 50-летия великой Победы. В каждой деревне, селе, поселке, городе эти дни отмечались громко, шумно, многолюдно, весело и проходили под лозунгом «Никто не забыт, ничто не забыто». Ветераны войны получили материальную помощь, отдохнули и подлечились в санаториях по бесплатным путевкам. Имеющих инвалидность по труду ветеранов войны по пенсии приравнивали к инвалидам войны, в том числе пишущего эти

строки. Моя пенсия увеличилась более чем в три раза и сравнялась с пенсией жены, т.е. инвалидской.

Долгое время я был недоволен что моя пенсия меньше чем у Раи и высказывал недоумение и недовольство. Не привык я так, чтобы мужик получал меньше жены. И хотя она уговаривала, что этих денег нам хватает, просила беречь нервы, я не успокаивался – ведь мы вместе в одном батальоне были всё время боевых действий, пули и осколки врага не разбирали ни звания ни пола. Они разили генералов, офицеров с высокими званиями, имеющих опыт боев, и нас – сержантов и солдат – не разбираясь. Недаром еще Суворов говорил: «Пуля – дура, штык – молодец».

Теперь я доволен. Поняли наши руководители, парламентарии и медики, что на войне не сладко, здоровье там не укрепить, а наоборот, если не убьют, то немало его потеряешь. Недаром наши парни, воевавшие в Афганистане, проходили реабилитацию, лечились в санаториях и клиниках. А мы, участники Великой Отечественной войны, после фронта сразу взялись за восстановление народного хозяйства порушенных и разграбленных городов, сожженных и опустевших деревень.

Теперь мы живем безбедно. Повышенная пенсия обеспечила приличное существование: покупаем что надо, едим что хотим. Но среди стариков есть немало ветеранов, которые получают мизерные пенсии. Это ветераны труда, во время войны работавшие в тылу, где тоже было не сладко. Ветераны войны и ветераны тыла вынесли все невзгоды: индустриализацию, коллективизацию, страшные годы сталинизма, лагеря, расстрелы, войну 1941–1945 г., послевоенную разруху. Всё это забыть невозможно, память об этом живет в нас, пока мы живы. Но и вы, наше будущее, не забывайте те страшные, грозные годы, не допускайте диктаторства, нарушения прав человека, бессмысленных войн и конфликтов, а пуще всего берегите мир!

ДИМА, ИРА И МАТВЕЙКА

(Фрагмент о рождении правнука)

Дима часто заходил к нам, иногда с Ирой, иногда один⁴. Однажды за чаем он говорит мне:

– Скоро, дедуля, будешь прадедушкой!

– Правда, Дима?

– Эта правда в животе у Иринки.

– Это хорошо, я давно жду! Да еще бы мальчик, как у всех наших Ульяновых!

– Мне всё равно если даже девочка – мой ребенок, всё равно буду любить.

– Когда появляются и растут дети – лучшее время для родителей. Я сам испытал. Эти маленькие, чистенькие крошки тянут к тебе ручки, потом начинают лепетать, обнимать, ласкаться. Ты спешишь домой, чтобы увидеть своего малыша, поагукать с ним, подержать на руках, поподбрасывать вверх, ведь это ему так нравится!

– Попозже мы узнаем, кто у нас будет, мальчик или девочка.

Мои ожидания оправдались.

– У Иры будет мальчик, – сообщил Дима в очередной приход к нам. – Я сам был на просвечивании и видел.

– Димочкин, ты молодец. Вся наша династия – парнячья. У отца было восемь парней, у меня двое, у Сергея двое. Ты, Дима, один у родителей. Раньше на Руси говорили: «Один сын – не сын, два сына – пол сына, три сына – вот это сын». Нынче не то. Отошли от дедовских правил нынешние мужики. Их жены рожают одного, много двоих детей.

⁴ Дима – внук Ивана Матвеевича, Ира – жена внука.

– Мы с Ирой имя малышу дали, конечно предварительно – назовем Матвеем.

– Лучше бы Максимом назвали, – предложил я.

– Есть у нас Максим у родственников Иры, второго не надо.

– Назовите Ванечкой, – предложила Рая.

– Меня мало кто называл Ванечкой, только мама в детстве, а всё больше Ванька, Ванюха, Ванька-дурак. На Руси ведь была поговорка: «Что ни Ванька, то дурак».

– Мы своего решения не меняем, назовем сына Матвеем, – был ответ Димы и Иры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя.

Если ты, мой сын, рожденный и крещеный с фамилией Ульянов, а не посторонний, продолжи описанием историю нашего рода, а где я забыл или спутал, исправь.

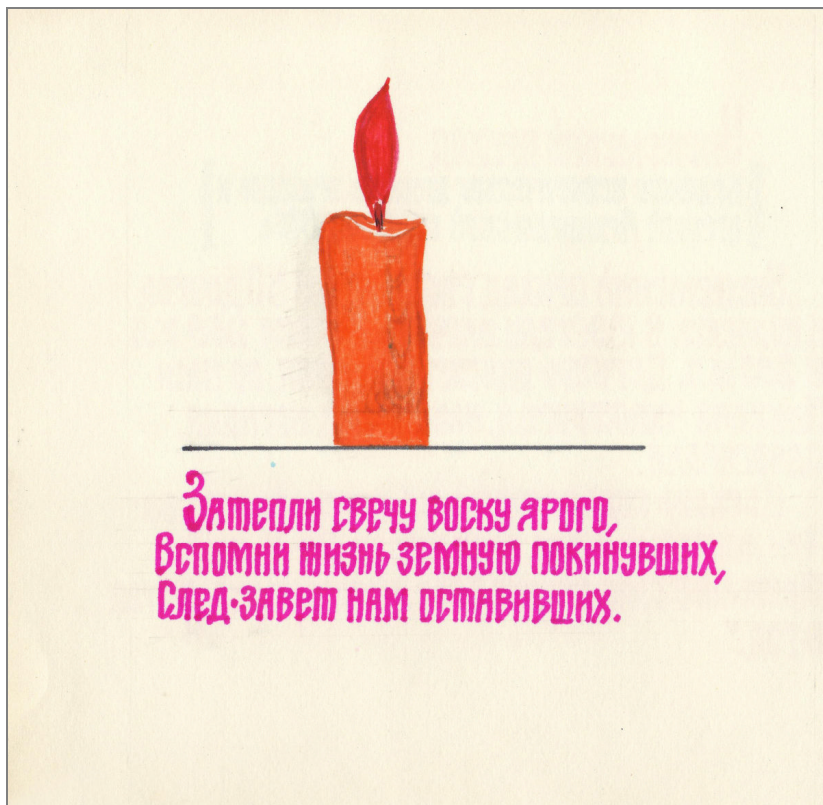
В трех книгах, и особенно в первой, «Стране Помории» – история моего края со времен заселения Севера предприимчивыми новгородскими первопроходцами до наших дней. В ней рассказы о бесстрашных мореходах и искусных кораблестроителях, живших на берегу студеного Белого моря в небольшой рыбацкой деревушке Унежме – моей малой родине. Это они, поморы, в XII веке освоили Белое море, а в XV веке на утлых суденышках плавали в Баренцево ловить треску, в трудное для России время отстаивали свой край от захватчиков, помогали молодому царю Петру проводить реформы, строить «Осудареву дорогу».

Нелегко жилось трудовому люду под недремлющим оком царских чиновников, купцов, соловецких монахов, вотчиной которых была Унежма и всё Поморье. Великими трудами, болезнями, гибелью в суровых северных морях расплачивались рыбаки за дары моря, матушку-треску – основной продукт питания. «Бабье царство» – так называли наш край, потому что женское население значительно превышало мужское.

Не лучше жилось народу и при советской власти, во времена индустриализации, коллективизации, отечественной войны, перестройки. После семидесяти лет советской власти переходим к капитализму, к рыночной экономике, а это нелегко. Все эти события описаны в двух последующих книгах.

Ты, мой сын, внук, правнук и последующие поколения, будешь жить в XXI–XXII веках, и для своих потомков, как и я, оставь память писаньем и сказаньем.

Затеpli свечу воску ярого,
Вспомни жизнь до тебя покинувших,
Письмо-завет нам оставивших!

АВТОБИОГРАФИЯ

Ульянов Иван Матвеевич родился 2 октября 1919 года в Архангельской губернии, Онежском уезде, Унежемской волости, в семье крестьянина-рыбака.

Отец: Ульянов Матвей Максимович, 1879 года рождения, 9 августа по старому стилю.

Мать: Ульянова Мария Максимовна, 1895 года рождения, 9 августа по старому стилю, в девичестве Евтюкова, в первом браке Епифанова.

Бабушка по матери – Евдокия Корниловна, дед – Максим Егорович. Бабушка по отцу – Анна, дед – Максим Иванович.

В Унежме закончил школу-четырёхлетку, в Нименьге пятый и шестой классы, в Онеге – седьмой класс неполной средней школы.

В 1935 году уехал в Мурманск, учился в школе ФЗУ, работал бондарем, мастером по таре.

В 1939 году призван в РККА, в 1940 демобилизован по болезни. В 1942 году снова в армии, с 1943 года – в действующей, в составе 426 отдельного батальона связи 173 стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии 31-й армии.

Демобилизовался из армии в 1946 году, по дороге домой женился на однополчанке Раисе Петровне Маклаковой. У нас трое детей: Валерий, Галина, Сергей.

С 1946 года жили в Мурманске, работал на тарном комбинате бондарем, мастером, председателем завкома, начальником ОТК. Жена работала в рыбном порту.

В 1976 году обменяли квартиру и переехали в Петрозаводск. Дети наши имеют своих детей, все они работают и имеют жильё.

Мы с женой на пенсии.

Если я рассказал
мало и неполно
или что забвением спутал,
ты, земляк мой,
Архангельский помор,
исправь и дополни.
Подкрепи свидетельством своим
мою скудность.

Щедров